

ЛАЛУЕВ ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ

**ФЕНОМЕН РЕЛИГИОЗНОГО ПРОРОЧЕСТВА
И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОН-
ФЕССИЙ МОРМОНИЗМА, АДВЕНТИЗМА, БАХАИЗМА:
ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

09.00.14. – Философия религии, религиоведение

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Ростов-на-Дону – 2016

Работа выполнена в Институте философии и социально-политических наук
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Научный консультант: **Капустин Николай Стратонович**
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты:

Яблоков Игорь Николаевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»;

Богданова Оксана Александровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Философия и культурология» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»;

Белогорцев Виктор Николаевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социальные технологии» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ФГБОУ ВПО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области.

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Защита состоится «16» ноября 2016 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.208.13 по философским наукам на базе ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» по адресу: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, зал заседания Ученого Совета.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке им. Ю.А. Жданова по адресу: 344103, г. Ростов-на-Дону, ул. Зорге, 21 ж.

Электронный вариант текста диссертации размещен 04.07.2016 г. на официальном сайте Южного федерального университета по адресу: <http://hub.sfedu.ru/diss/announcement/cba4b48f-0096-4a2c-977c-a81e3434599c/>

Автореферат разослан « 16 » августа 2016 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

М.М. Шульман

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. История человечества свидетельствует о том, что проблема предвидения будущего всегда занимала важное место в сознании как общества в целом, так и отдельного человека. Каждый индивид на определенном этапе своего жизненного пути задумывается о грядущем, ибо ставит перед собой цели, устремленные в завтрашний день. Целенаправленность человеческой активности свидетельствует о том, что стремление людей узнать свое будущее, является атрибутивной характеристикой их сознания.

В ряду различных типов пророчеств, предсказаний, провидений и подобных феноменов, особое место занимают религиозные пророчества, в которые беззаветно верят миллионы людей. Феномен религиозных пророчеств присущ всем конфессиям, однако он еще не до конца изучен во всех его аспектах.

Анализ религиозного пророчества – важная задача философии религии, занимающейся изучением того всеобщего, что присуще всем без исключения религиозным системам. Это тем более актуально в XXI веке, когда появляется множество самозванных пророков, прорицателей, ясновидцев и тому подобных персонажей, предрекающих картину будущего. Все они, конечно, появляются не случайно, ибо востребованы «бытийствующими формами» обыденного сознания представителей самых различных социальных слоев и групп населения, и оказывают существенное влияние на их духовную жизнь.

Философия религии призвана показать социокультурные, гносеологические, психологические и иные корни подобных феноменов, раскрыть «механизм» появления религиозных и квазирелигиозных пророков, эволюцию их учений, взаимодействие пророческой идеологии с той или иной конфессиональной практикой. Предсказания будущего обретают особое значение в условиях неустойчивого, неопределенного настоящего, когда жизненный успех того или иного начинания зависит от множества случайных факторов, что порождает у определенной части членов общества потребность в предсказании будущего.

Разумеется, можно проигнорировать эти проблемы, сославшись на то, что пророчество, как способ получения знаний о будущем не опирается на строгую методологию познания и является, в собственном смысле этого слова, ненаучным знанием о будущем. Однако пророчество, как и другие формы ненаучного знания, имея свои психологические, гносеологические и социокультурные корни, проявляет устойчивую живучесть в исторической судьбе человечества.

Феномен пророчества исследовался в различных аспектах. Пророчество рассматривалось критически, как превратное отражение действительности, но при этом в нем высвечивались исключительно негативные моменты. Этим «грешило» атеистическое религиоведение. Недалеко ушло от подобной односторонности и бо-

гословие, усматривающее в религиозном пророчестве только позитивные стороны. Подобный апологетический подход, естественно, не раскрывает природы и сущности этого феномена. Актуальным является не столько раскрытие самого факта удивительной живучести и широкого распространения пророчеств в культурах народов мира, сколько обнаружение, выявление таких свойств в сущности религиозного пророчества, которые позволяют ему выступать в качестве традиционного компонента духовной культуры, выполняющего важные функции в конкретном социуме. Следовательно, обращение к проблеме пророчества как феномена духовной культуры в теоретическом плане диктуется внутренними потребностями развития философских и религиоведческих дисциплин.

Весьма актуально в философско-когнитивном анализе проблем будущего показать синкретическую гетерогенную природу пророчества (слитность и противоречивость), выявить целостность и специфику в конкретном социокультурном пространстве, особенно в таком, где признаются нравственно-эстетические абсолюты, с точки зрения которых понимается человек, а мир и общество обеспечиваются целеполаганием и смыслоположением (И.Н. Яблоков). В пророчестве учитываются как прошлые, включаемые в мировоззренческую картину мира, так и современные компоненты действительности, указывающие смысл жизни и будущее человечества. Пророчество часто свидетельствует о смене мировоззренческих парадигм, в процессе которых «духовность» человека, сопряженная с семантическим полем (божественного Откровения), анализируется на основе сложившихся смысловых моделей жизнедеятельности человека»¹.

Изучение пророчества предполагает такой инструментарий исследования, который базируется на анализе «фундаментального уровня религиозного сознания (пророка), как целостного феномена»². Таких фундаментальных работ в отечественной религиоведческой литературе пока еще нет.

Недостаточно изучена в социально-психологическом плане, и тяга к пророчеству у приверженцев новых религиозных движений, например, в США. Хотя в самом общем плане можно сказать, что это стремление обусловлено психологическим климатом страны, в которой материальные интересы общества превалируют над духовными. А неопределенность будущего компенсируется двумя потребностями менталитета человека: устремленностью к иррациональному пониманию мира человеком и верой в нравственный прогресс общества, что вселяет надежду на позитивный результат его деятельности и дает уверенность в будущем³.

¹ Спасибенко С.Г. Социология человека. – М.: Экслибрис-Пресс, 2007. – С. 346–350.

² Забияко А.П. Категория святости. Сравнительное исследование лингворелигиозных традиций. – М.: Издательский дом «Московский учебник-2000», 1998. – С. 33.

³ См. работу по новым религиям США: Mark A. Noll. The Old religion in a new world // The history of America Christianity/William B. Erdmans Publishing Company. Grand Rapids, Michigan/Cambridge. U. K. 2002. – 142 p.

Религиозная вера, как и светская вера, – сложное социально-психологическое явление, которое содержит когнитивный, эмоционально-чувственный и волевой компоненты. Их анализ требует применения комплексного, междисциплинарного подхода⁴.

Пророчества, как правило, не дают точного ответа на вопросы, которые ставит современная жизнь, но активно воздействуют на сознание людей, особенно в условиях, когда они ощущают социальную несправедливость и непостижимость мира, его катастрофизм и собственную беспомощность что-либо изменить в обществе. Выделяются три основных вида пророчества: 1) научно-футурологическое, занимающееся прогнозированием будущего, базируемого на социологических фактах и открытиях в области наук; 2) обыденное, житейское – определяющее ближайшее будущее в повседневной жизни (на основе, например, народных примет или природного, аграрного календаря); 3) религиозное, – раскрывающее смысл божественного Откровения в интерпретации пророка, которое он фиксирует в вероучительном тексте. Именно последнему виду и посвящено диссертационное исследование.

Религиозные пророчества уходят своими корнями в первобытную эпоху. Волхвы, ведуны, маги, шаманы были первыми, кто предсказывал людям их будущее. Особую роль в этом сыграли ветхозаветные пророки (XI–V вв. до н. э.). Прорицанием будущего занимались пифии в храме Аполлона. У Платона поэт – боговдохновенный пророк, который в образно-художественной форме призывал человека или общество к нравственному совершенству. У древних римлян особую роль играли «авгуры» – предсказатели будущих событий по внутренностям жертвенных животных или полету птиц. «Акме» пророчества приходится на апостольскую эпоху (I–V вв.), проявляется своеобразно в писаниях Отцов Церкви и лидеров религиозных движений, а затем сходит с первых ролей в религиозной истории. В XIX веке в США и Персии появляются новые пророки, сыгравшие решающую роль в возникновении мормонизма, адвентизма и бахаизма. Оценить подлинную роль их религиозных пророчеств и эффективность мистических опытов пророков, можно лишь с опорой на принцип конкретно-исторического анализа этого феномена духовной культуры⁵.

В самом общем виде можно предположить, что сила пророческого внушения базировалась на том, что пророки затрагивали в своих речах и текстах вопросы социальной справедливости, задевали душевные струны людей с их потребностями и интересами, выступали «агентами социально-политического влияния». Духовная власть религиозного пророчества опиралась на ожидание человеком или социаль-

⁴ «Вера» – один из главных феноменов жизни. По своей природе вера разделяется на религиозную и нерелигиозную. Религиозная вера определяется отношением человека к Божеству и проявляется в признании Его бытия. Нередко верой называют сумму убеждений и вероучение. – Православная энциклопедия. – М.: «Вера», 2004. Т. VII. – С. 669.

⁵ См.: фундаментальный труд по новым религиям Америки: Encyclopedia of Global Religion / Mark Juergensmeyer. Wadec Clark Roof/University of California, Santa Barbara. EDITORS. Т. 1. 2012. – 1032 p.

ной группой, определенного благоприятного или неблагоприятного решения их проблем. Все эти вопросы требуют конкретной проработки на основе анализа пророческих текстов и вероучительных книг конфессий.

Религиозные пророки всегда использовали экзистенциальную неуверенность человека перед лицом природных и социальных угроз и связывали настоящее положение людей с перспективами их будущего. Однако чтобы предвидеть будущее, надо уметь «соединять несоединимое», но не эклектически, а синкретически, с удержанием всего позитивного, что имеется в гетерогенных элементах мировоззрения, связанных с креативной жизнедеятельностью. В этом смысле актуальность исследования пророчества, как представления о будущем, органично вытекает из понимания задач и целей пребывания человека в современном мире и особенностей диалога пророка и общества⁶.

Пророчество, безусловно, обладает ярко выраженной коммуникативной и интерпретационной функциями преподнесения социальной действительности, проявляет себя во взаимодействии личности с разнообразными феноменами культуры⁷. Эти функции религиозного пророчества отчетливо проявились при зарождении новых пророческих религий США XIX–XX вв., – мормонизма, адвентизма и бахаизма, в ситуации смены ортодоксальных, религиозных смыслов и парадигм в истолковании эсхатологических предписаний, сближения религиозных и нравственных светских максим. Они сработали как новые «духовные скрепы» для их приверженцев⁸.

Всё вышесказанное о сущности религиозных пророчеств потребует выработки комплексного междисциплинарного подхода к исследованию этого феномена духовной культуры, избегающего крайностей как атеистического, так и узкоконфессионального ракурсов рассмотрения. Естественно, это потребует уточнения методологического инструментария и разработки новых моделей толерантности профанного и сакрального начал в человеческом сознании.

Для нашего времени религиозные пророки мормонизма, адвентизма и бахаизма интересны, прежде всего, тем, что в конце XIX -XX веках возникает ряд новых религиозных движений, осуществляемых свою деятельность в формах, подобных мормонизму, адвентизму и бахаизму. К ним относятся такие религиозные движения, как «Свидетели Иеговы», сайентологи, харизматические движения, «общество сознания Кришны», «Белое братство», «Церковь последнего завета» Виссариона и др., используя уже наработанные инструменты влияния, воспринятые от пророков мормонизма, адвентизма и бахаизма.

⁶ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы/Пер. с нем. М.: Из-во «Весь мир», 2002. – С.129.

⁷ См. Шестопал А.В., Силантьева М.В. Межкультурная коммуникация в свете современных модернизационных процессов. Межкультурная коммуникация: современная теория и практика/Материалы VII Конвента РАМИ. – М., 2013. – С. 10-16.

⁸ См.: материал о влиянии новых религий на социокультурную жизнь Америки: Bret E. Carroll. The rout ledge historical atlas of religion in America. Routledge. Taylor. Francis Group. New York – London, 2000. – 66 p.

Степень научной разработанности. Большое внимание к пророчествам характерно для таких религиозных мыслителей, как Григорий Нисский, Ириней Лионский, Ипполит Римский, Климент Александрийский, Ориген, Мефодий Олимпийский, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Феодорит Кирский, Тертуллиан, Августин. В трудах христианских богословов феномен пророчества вытекает из готовых схем трансцендентной реальности, представленной в Священном Писании и Предания, при этом интерпретации пророчеств Отцами Церкви не выходят за формат этих схем.

Пророчество, как форма предвидения будущего и специфический процесс получения человеком знания о будущем, нашло отражение в трудах И. Канта, Г. Гегеля, К. Мангейма, Ф. Ницше, А. Камю, К. Поппера, О. Шпенглера, А. Тойнби, О. Тоффлера, Г. Кана, Э. Виннера, а также в трудах русских религиозных философов Н.Ф. Федорова, И.А. Ильина, Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева, А.С. Хомякова. В работах этих авторов феномен пророчества исследовался как форма предсказания будущего в далекой временной перспективе. Однако такой взгляд на пророчество не являлся полным, так как из поля зрения исследователя выпадал анализ пророчества как формы представления о правильном истинном поведении в настоящем.

Объектом философско-религиоведческого исследования религиозные пророчества стали в XIX веке, когда религиоведение формируется как самостоятельная наука. В более раннем периоде они составляли часть теоретических построений, исследующих социальные явления, обладающие особым статусом. Предвидение будущего представлено в трудах таких религиозных мыслителей XIX века, как Ф.М. Мюллер, К.П. Тиле. В отечественном религиоведении усилиями А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, А.Н. Веселовского, А. Пономарева были развернуты исторические, этнографические, филологические исследования религиозных феноменов, куда вошли предсказания и пророчества. Работы этих авторов показали, что предсказания будущего всегда находились в центре внимания верующих людей.

Особенно активно исследование феномена пророчества осуществлялось в середине XIX – начала XX века на стыке таких наук как: философия, культурная антропология, психолингвистика. В работах Дж. Миллера мы находим философский анализ будущего. Усилению когнитивного дискурса в исследовании феномена пророчества способствовали работы Н. Гудвина, М. Элиаде, Н. Хомского, Д. Брунера и Р.М. Грановской, Л.С. Выготского, У. Джеймса, Д. Коэна, С. Грофа, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна. В трудах этих авторов дан философский анализ пророчества и показано, что пророк, предупреждая человека или общество о будущем или благоприятном настоящем, делает «откровение-пророчество»

культурным «кодом», вектором в развитии «духовной силы». В этом же ракурсе описывается феномен пророчества в трудах В. Гумбольдта, Э. Кассирера.

В произведениях русских философов проблеме религиозного пророчества уделяется значительное внимание. Религиозные новообразования рассматриваются ими как феномены, обладающие функциями интеграторов духовных ценностей народа. Пророческие Откровения, по их мнению, – это своеобразный «религиозный опыт», являющийся первичным, по отношению к рациональному знанию. Или, как поясняет Н.А. Бердяев: «Бог есть то, что не может быть выражено. Это есть откровение Духа и в том, что не может быть выражено, не может быть никаких сомнений. Сомнения могут быть лишь в выражениях»⁹. А можно ли вообще выразить «невыразимое»? Можно и нужно. Над этой проблемой работали В.В. Розанов, С.Н. Булгаков, трудятся и современные философы¹⁰.

Значительный вклад в развитие проблемы предсказания будущего внесли русские религиозные философы (А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, И.В. Киреевский, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев, Ю.С. Степанов и др.). Специфику пророчества как предвидения будущего анализировали лингвисты А. Вежицкая и М.Я. Гловинская.

Пророчеством как символическим выражением будущего интересовались З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм, онтопсихолог А. Менегетти, представители трансперсональной психологии (Ф. Капра, В.В. Налимов). Живой интерес к пророчеству как символу проявила культурная антропология. Этот феномен включался в семиотические, семантические и когнитивные исследования. Когнитивный подход к проблеме религиозного символа осуществлен в трудах Дж. Кемпбела, Л. Берталанфи, Д.К. Расмуссена и др. Специфику божественного Откровения, как определенного типа пророчества, поясняет П.М. Беммелен.

Антропологический анализ религиозных пророчеств представлен работами М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, Б.С. Братусь, в которых они рассматриваются с позиций взаимоотношения человека (пророка) с миром искусства. У Д. Келли и Е.П. Крупника феномен интерпретации (передачи) божественного Откровения как универсальный метод познания реальных и идеальных артефактов предполагает интегративно-комплексный подход к пророчеству, детерминирует сложные контекстно-смысловые связи, в которых образ будущего составляет часть целостной структуры божественного Откровения. Об этом же пишет философ М.В. Силантьева¹¹, показывая, что когнитивная текстовая деятельность индивидуума (пророка) рассматривается как организация значений в структурировании смысловой ин-

⁹ Бердяев Н.А. Истина и Откровение. – СПб.: Изд-во Русского гуманитарного института, 1996. – С. 6.

¹⁰ Шестопад А.В., Силантьева М.В. Кризис цивилизации и гражданское общество/Право и управление. XXI век. – М., 2011. № 4. – С. 24-27.

¹¹ Силантьева М.В. Методология изучения реконструкции коммуникативного стереотипа в условиях непрямого диалога культур // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – М., 2013. – Т. 2 № 2 (3). – С. 4-8

формации, а божественное Откровение связывается в единое смысловое, информационное и коммуникативное пространство.

В философии религии когнитивные механизмы анализа религиозных пророчеств были использованы в трудах Л.Н. Митрохина, Ю.А. Кимелева, М.Г. Писманика, Н.С. Капустина, Е.И. Аринина. В социологии религии когнитивные механизмы анализа новых феноменов, куда входят и религиозные пророчества, получили развитие в работах М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, А. Маслоу, В.И. Гараджи, И.Н. Яблокова.

Традиции исследования религиозных пророчеств США XIX века заложены в трудах западных авторов XIX–XX вв., таких как Э.М. Бад (когнитивное исследование религиозных представлений), Х.М. Иллг (когнитивные структуры речевого акта в религиозной коммуникации), Р. Дэвидсон (типология библейских пророчеств). В отечественном религиоведении изучением проблемы будущего занимались Д.М. Угринович, И.А. Крывелев, С.А. Токарев, М.М. Рижский, И.Н. Яблоков и др., анализируя откровение-пророчество как форму религиозного сознания и классифицируя религиозные символы.

Развитие богословия, нравственных учений, религиозно-философских систем ведет к появлению разнообразных жанров религиозной словесности, оформляющих религиозную идею в стройную, устойчивую форму. Их конфессиональный язык становится основой религиозной традиции, а сакральные тексты – главным содержанием. Обнаружение различных связей и взаимоотношений религии и общества выявляет в пророческой деятельности виртуальный элемент (Д.В. Пивоваров), который раскрывает фокус духовного бытия, чему способствовали универсализм и символизм религиозного языка. Понятие «виртуальность» философы прошлого связывали с наличием пассионарной потенции, ведущей к образованию новых форм отношений в деятельности пророков прошлого и пророков XIX века.

Откровение-пророчество – это всегда диалог. Теория диалоговой культуры разработана в трудах таких русских философов как: С.С. Аверинцев, Д.С. Лихачев, Е.Н. Шульга, М.М. Бахтин. Диалоговая религиозная философия в работах Н.А. Бердяева, М. Бубера, С.Л. Франка, К. Ясперса, У. Эко интерпретируется как выход индивидуума (пророка) в трансцендентную сферу божественного бытия, недоступную обыденному познанию, где Бог и пророк взаимодействуют друг с другом на разных уровнях коммуникации. В работах этих философов пророчество, – духовный феномен, который обладает коммуникативной, интерпретационной и социальной направленностью, взаимодействуя с личностью и явлениями культуры. Правда, диалог эффективен только тогда, когда ведется на «одном поле» (М.М. Бахтин).

Однако ввиду того, что в отечественной научной литературе пока отсутствуют систематические работы комплексного характера, посвященные проблеме рели-

гиозного пророчества, данное исследование представляет собой попытку восполнить этот пробел¹².

Объектом исследования является пророчество как особая форма духовной культуры, дающая представление о будущем, как «религиозный опыт» пророка, развернутый в контексте определенной социокультурной атмосферы, способствующей активизации социальной деятельности.

Предметом исследования выступает религиозное пророчество и его роль в возникновении международных конфессий XIX–XX вв. – мормонизма, адвентизма, бахаизма.

Целью исследования является определение сущности религиозных пророчеств на материале мормонизма, адвентизма и бахаизма, а также определение роли религиозных пророчеств в возникновении этих международных конфессий.

Достижение указанной цели осуществляется последовательным решением следующих **задач**:

1. Разработать интегративное определение понятия «пророчество».
2. Показать значение религиозных пророчеств в решении экзистенциальных проблем на примере адептов мормонизма (святых последних дней), адвентизма (адвентистов седьмого дня) и бахаизма (бахаи).
3. Раскрыть роль пророчества в формировании нового религиозного мировоззрения, служащего фактором социальной активности верующих (святых последних дней, адвентистов седьмого дня, бахаи).
4. Проанализировать способы создания пророком веры в его «доступ» в сакральный мир и обоснование достоверности предсказаний будущего.
5. Определить эффективность социального действия новых пророческих религий США и Персии XIX века.
6. Рассмотреть, каким образом в религиозных пророчествах отражались социокультурные кризисы общества и обосновывались способы их преодоления.
7. Выяснить, как вероучительная идеология мормонизма, адвентизма и бахаизма инкорпорирует в духовную жизнь своих последователей трансцендентные ценности.

Гипотеза исследования.

Специфика религиозных пророчеств состоит в их выражении в виде божественного откровения нужд и чаяний общества в конкретно-исторической ситуации. Пророчества обладают способностью идеологически интегрировать реакции на кризисные социокультурные условия жизни. Божественное Откровение предстаёт в пророчестве как неоспоримая «весть» (информация) о том, что ожидает человека или общество в будущем.

¹² См.: Глаголев В.С. Вербально-понятийные аспекты методологического дискурса. Материалы VII Конвента РАМИ // Вестник МГИМО, 2012. № 6 (27). – С. 216-219.

Теоретико-методологическая основа исследования. Предмет исследования, определяемый как религиозные пророчества и их роль в становлении международных конфессий мормонизма, адвентизма и бахаизма в США и Персии XIX- начала XX вв. и сформулированные выше задачи исследования, предполагают использование методологии, позволяющей осмыслить влияние религиозных пророчеств на духовную культуру. Исходным методологическим принципом исследования является диалектический принцип историзма, показывающий истоки формирования религиозных пророчеств, сформулированных в работах классиков религиоведения: М. Мюллера, И. Бахофена, Э. Ренана, А. Швейцера, Г. Спенсера, Э. Тейлора, Д. Фрейзера, в ряде работ русских исследователей – М.И. Рижского, Д. Уилсона, А.Н. Красникова¹³, К.О. Польскова¹⁴ и др. авторов.

Религиозные пророчества анализируются методологией религиозного синкретизма, раскрывающего закономерности их генезиса и эволюции, представленные Н.С. Капустиным¹⁵.

Логически и последовательно религиозные пророчества рассматриваются в качестве вербальной репрезентации божественной «вести» (информации), знаковой системы коммуникации (вероучительный текст), способом представления целей и смысла жизни верующих, транслируемых посредством определенных тактик психики и религиозной культуры. Это рассмотрение требует междисциплинарного подхода, выводящего концепт «пророчества» в зону онтосемантики. Такой подход к религиозным пророчествам не претендует на исчерпывающие выводы, а является методологическим ключом к постижению способов онтологизации божественного Откровения в жизни людей.

Современная лингвокультурология представляет для исследования феномена пророчества разнообразный методологический материал, обогащает его когнитивный дискурс, но не раскрывает закономерностей и механизмов воздействия пророчества на образование смыслов и целей в религиозном сознании верующих. Методология современной психосемантики оказывает существенную помощь в исследовании пророческих текстов и визуального мышления пророка, помогает постичь смысловое пространство пророческой вести, обращенной к людям. При этом, однако, она упускает из вида конкретные духовные и социальные составляющие культуры XIX–XX вв., способствующие выявлению закономерностей религиозного смыслообразования и онтологизации пророческой вести, философской систематизации и эпистемологического анализа.

¹³ См.: Красников А.Н. Методологические проблемы современного религиоведения. – М.: Акад. проект, 2007. – 238 с.

¹⁴ См.: Польсков К.О. К вопросу о научном богословском методе // Вопросы философии. – 2010. – № 7. – С. 94–98.

¹⁵ См.: Капустин Н.С. Особенности эволюции религии. – М.: Мысль, 1984. – 222 с.

Средствами когнитивной философии уточняется генезис пророчества. Например, С.С. Аверинцев считает, что пророчество возникает тогда, когда появляется идея сверхъестественного, абсолютного бытия, что мы имеем у Платона. Однако в религиоведении доказано, что уже в первобытном сознании, где еще не было «теоретического мышления» о различии естественного и сверхъестественного, но практическое различие присутствовало, элементы восхождения от абстрактного к конкретному служили почвой для религиозных предсказаний. Пророчества зарождаются на заре человеческой истории и проходят вместе с религиозным мировоззрением весь эволюционный путь в целом.

Существенную роль в раскрытии идей новых пророческих конфессий сыграла философская антропология, анализирующая религиозное сознание пророка и выявляющая в нем определенные интеграторы, способствующие эффективному воздействию на сознание своих последователей. Это: символический язык пророка, выраженный в метафорах, аллегориях, художественных образах, посредством которого раскрываются ценностные смыслы божественных Откровений и эксплицируются в вероучительные тексты и сознание своих приверженцев.

Большую помощь в исследовании религиозных пророчеств оказали классические методы религиоведения, широко применяемые в трудах Д.М. Угриновича, Л.Н. Митрохина, М.Г. Писманика, В.С. Глаголева, А.П. Забияко, Ю.А. Кимелева, Н.С. Капустина, И.Н. Яблокова, А.Н. Красникова, К.О. Польскова, Е.И. Аринина, А.Ю. Григоренко, М.М. Шахнович и др. В работах этих авторов предложены образцы религиоведческого анализа феноменов и принципов: историзма, генетического, эволюционного, антропологического, этнологического, каузального, структурно-функционального. Например, функциональный метод исследования выявляет процессуальные характеристики религиозных пророчеств и уясняет закономерности их социокультурного взаимодействия. В исследовании структурных элементов пророчеств эффективно работает методология классического структурализма, совмещающая социокультурный анализ пророческих текстов с когнитивным.

Изучение роли религиозных пророчеств предполагает методологический синтез атрибутивной и модусной типологизации, эксплицирует их константные социокультурные элементы. Религиозные пророчества мормонизма, адвентизма, бахаизма анализируются как вероучительные тексты конфессионализма, как социокультурные формы пророческого языка и как исторические модификации инвариантной онтосемантики. Исторический и сравнительный методы, которые используются в диссертации, корректируют методологию аналитической философии.

Анализ религиозных пророчеств базируется на методологии классического религиоведения, раскрывающего их сущность, строится на диалоге, который пророк ведет с обществом. Теология и религиозная философия, анализируя религиозные пророчества, ориентируются на феноменологический символизм, наделяя его

свойствами теофании. Светский философский когнитивизм, применяемый в данном диссертационном исследовании, напротив, отличается от теологического поисками надежных эмпирических и теоретических источников, фундирующих специфику пророческих религий.

Научная новизна исследования выражается в следующих положениях:

1. Дано интегративное определение пророчества как особого типа религиозного опыта, в котором происходит передача сверхъестественного Откровения через избранных индивидов (пророков).

2. Определено значение пророчеств для решения экзистенциальных проблем (на примере адептов мормонизма, адвентизма, бахаизма).

3. Раскрыта роль пророчеств в формировании нового религиозного мировоззрения, служащего фактором социальной активности верующих. Религиозные пророчества, формируют у своих адептов новое мировоззрение, способствуют «пересотворению» внешнего и внутреннего мира, изменяют отношение верующего человека к миру.

4. Установлены способы создания пророком веры в его пророчества: его «доступа» в сакральный мир и достоверности предсказаний будущего.

5. Определена эффективность социального действия пророческих движений и религий, возникающих на их основе. На примере США и Персии XIX века продемонстрирована социальная активность адептов пророческих религий: мормонизма, адвентизма и бахаизма.

6. Раскрыта сущность эмоционально и экзистенциально насыщенной пророческой информации, способной регулировать духовные процессы в периоды социальных кризисов.

7. Обоснован закономерный характер возникновения религиозных пророчеств Джозефа Смита и Эллен Уайт, обусловленный «религиозными ривайвелами»¹⁶ в духовной жизни США XIX века. Показана закономерность появления на базе мусульманских течений Юго-Западной Азии синкретического учения пророка бахаи – Баха-Уллы. Выявлены конвергентные компоненты в пророческих системах различных конфессий США.

8. Определена ключевая роль пророчества в представлениях последователей мормонизма, адвентизма и бахаизма о трансцендентном мире и божественной истине, показан интерактивный, диалоговый характер распространения этих представлений в ситуации острого социокультурного кризиса общества.

Все положения, заявленные в диссертации, таким образом, образуют в их единстве целостную концепцию, обладающую признаками научной новизны.

¹⁶ Ривайвел (от англ. revival – возрождение) – «экстатическая фаза» в развитии религии, высокое эмоционально-психологическое напряжение в религии в определенные исторические периоды. «Ривайвелы-возрождения» получили широкое распространение в США с XVIII по XX вв.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Религиозные пророчества, – это целостная динамическая духовная система, включающая противоречиво функционирующие гетерогенные элементы: сакральные (иррациональные) и профанные (рациональные), способные увлечь миллионы людей своими предсказаниями будущего. В пророчестве как особом религиозном опыте индивида содержатся два элемента – когнитивный и аффективный. Когнитивный элемент содержит знание о Боге, о судьбах людей и т. п. – это знание, идущее от религиозного опыта пророка, в котором синтезированы переживания сверхъестественного и культурно-исторические моменты. Пророки, как правило, являются носителями абсолютных ценностей и смыслов, видящими сотериологический вектор развития народа. Аффективный элемент «религиозного опыта» – это ансамбль пережитых в нем глубоких эмоций и чувств.

2. Религиозные пророчества, с одной стороны, «делегитимизируют реальность»: жизненные беды и невзгоды объясняют недолжным укладом жизни, который будет преодолен свыше, общественное устройство объявляют несправедливым и обещают сверхъестественное восстановление справедливости. Таким образом, пророчества создают ожидание радикального улучшения действительности, транслируют жизнеутверждающий настрой, преодолевают дисгармонию между добром и злом и трагизм человеческого бытия.

3. Сакральные смыслы пророчества содержат когнитивные «механизмы», способствующие «пересотворению» внешнего и внутреннего мира верующего человека, создают новые способы мотивации, которые изменяют отношение человека к миру. Цель религиозного пророчества – создать новую модель духовности в менталитете верующих, включающую в себя «новую чувственность» в понимании божественных планов на будущее. Пророческие тексты способствуют смене мировоззренческой парадигмы, посредством чего пророк обеспечивает «доступ» верующим в сакральный мир и предсказывает будущее устройство мира профанного.

4. Сила пророка – в его безграничной вере в Бога и в то, что Бог говорит, а он (пророк) по воле Бога воспринимает и неискажённо передаёт. Но анализ деятельности пророков мормонизма, адвентизма и бахаизма показывает, что пророки обладали идеологической гибкостью, опирались на гетерогенные культурно-исторические условия жизни того или иного народа и использовали общечеловеческие и ситуативные интенции верующих. Кроме того, вероучительные тексты и пророчества образуют «круг в доказательстве»: пророчества обосновываются вероучительными текстами, которые в новых религиях создаются или интерпретируются на основе пророчеств. Как экспликации божественного Откровения, религиозные пророчества воспринимаются их приверженцами беспрекословно. Они отличаются иррациональным смыслом, а переходя в сакрализованный текст, наделяются конфессиональным смыслом и статусом будущего.

5. Пророчество можно рассматривать как основу религиозной идеологии, мобилизующей массы верующих на определённые социальные действия, что демонстрирует история становления мормонизма, адвентизма и бахаизма. Эффективность социального действия пророческих религий обусловлена спецификой социальных отношений на конкретном этапе истории, абсолютным значением ряда заповедей (например, любви к Богу и ближнему своему) и относительным характером их исполнения, синкретизмом рациональных и иррациональных элементов сознания, способствующим переводу рациональной идеи в иррациональный план веры и наоборот, а также способностью религиозных пророчеств освещать по-новому картины будущего.

6. Пророческий текст, как сложноорганизованное гетерогенное образование, возникает в развертывании и взаимодействии разнообразных семиотических пространств и структур с использованием художественной поэтичности. Религиозное пророчество, как и любой другой религиозный феномен, базируется на вере, содержит когнитивный компонент и обладает конфессиональным субъективизмом. Вероучительная идеология мормонизма, адвентизма и бахаизма инкорпорирует в духовную жизнь человека трансцендентные ценности в их высшем (абсолютном) легитимном значении и есть причина, а не следствие иррациональных новообразований. Их значимость в социокультурном пространстве вырастает из пророческих абсолютов, воспринимаемых верующими конкретной общины на основе неприкасаемой веры. Религиозные пророчества направляют внимание последователей на бережное отношение к своему здоровью и гармоничному развитию личности, моральной устойчивости, несут знания, способные защитить их приверженцев от большинства повседневных страданий.

7. Религиозные пророчества XIX века – это не реставрация архаичных норм жизни, а видоизмененные формы религиозной жизни, развивающиеся под влиянием новых социокультурных процессов. Они возникают как реакция на социально-нравственный кризис общества XIX века, фундированный укреплением буржуазных отношений и завершением процесса разложения духовно-идеологической системы, восходящей к периоду позднего Средневековья. Закономерно, что пророческие религии США (мормонизм, адвентизм) появляются на основе христианства, переосмысливая его (создавая новую мифологию) в понятиях «онаученного» мировоззрения своей эпохи, а пророческая религия Персии (бахаи) возникает на основе ислама, и вместо онаучивания синкретизирует принципы известных в регионе религий.

8. Высшей целью религиозного пророчества в религиях XIX – XX веков выступает не столько предсказание будущего, предупреждение человека о грозящих ему опасностях, сколько направление на истинный, правильный путь жизни в той духовной реальности, которая сложилась в представлении основателей новых ре-

лигиозных движений. Сакральные смыслы божественных откровений мормонизма, адвентизма и бахаизма содержат когнитивные «механизмы», которые способствуют «пересотворению» внешнего и внутреннего мира верующего человека, создают новые способы мотивации и изменяют его отношение к жизни. Пророческая «весть» несёт, таким образом, жизнеутверждающий смысл и детерминирует, как правило, конфессиональные смыслообразы, формирует не конструкты сознательного или бессознательного, а социокультурную архитектонику мировоззрения и конфессиональную семасферу.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что все её положения и выводы являются теоретической основой для расширения вузовских курсов по философии, религиоведению и культурологии, особенно, посвященных XIX столетию. Содержание диссертации позволяет использовать её идеи в преподавании спецкурсов, таких как: «Религиозные пророчества как культурно-эстетический и социально-психологический феномен XIX века»; «Религиозные пророчества XIX века как феномен духовной культуры. Проекция становления вероучительных положений мормонизма, адвентизма и бахаизма на современную деятельность последних, определение специфики восприятия и оценок ими религиозной культуры модерна и постмодерна даёт понимание деятельности данных конфессий, необходимое не только в сфере научных исследований, но и в работе государственных органов, осуществляющих взаимодействие с религиозными объединениями. В целом, результаты диссертационного исследования указывают на важность внимательного отношения к новым религиозным движениям, ведение диалога на «одном поле», с соблюдением конфессиональной толерантности. В диссертации раскрыта специфика религиозного пророчества, которое по своей природе не имеет ничего общего с политическим экстремизмом, но по причине эффективности социального действия может быть использовано в экстремистских целях.

Апробация работы. Основные идеи диссертационного исследования отражены в трех монографиях, шести методических и учебных пособиях; в 18-и статьях, опубликованных в научных журналах, рекомендованных ВАК Р.Ф. для публикации основных результатов диссертационных исследований; в ряде статей, тезисов и докладов (55 публикаций общим объемом 82,3 п. л.).

Теоретические и аналитические результаты работы обобщались в выступлениях и докладах диссертанта на международных научных конференциях и симпозиумах различного уровня. В их числе «Русское православие: Четыре века в Сибири», (Омск, 1995); «Протестантизм в Сибири», (Омск, 1998); Международной научно-практической конференции (Астрахань, 1999); межрегиональном семинаре: «Общество. Религия. Закон», (Омск, 1997); межрегиональной конференции, посвященной проблеме толерантности Российского общества, (Омск, 1999); VIII Научно-практической конференции, (Томск, 2005); IX Научно-практической конференции,

(Томск, 2007); X Юбилейной международной научно-практической конференции, (Томск, 2008); апробированы на межвузовских, внутри вузовских научно-практических конференциях.

Материалы диссертации использовались автором при чтении лекций на факультете теологии Русско-Немецкого университета (РНУ) г. Новосибирска с 2001-2007 гг., по философии и культурологии в Сибирском государственном университете путей сообщения (СГУПС) с 2005 по 2015 гг.

Диссертационное исследование обсуждалось на кафедре «Философии и культурологии» Сибирского государственного университета путей сообщения (СГУПС) и на кафедре философии религии и религиоведения Института философии и социально-политических наук Южного Федерального университета и рекомендовано к защите.

Структура и логика исследования. Диссертационная работа состоит из введения, четырех глав (одиннадцати параграфов), заключения и библиографического списка из 671-го наименования, 166 из которых на английском, немецком и французских языках. Структура работы соответствует логике решения поставленных задач и намеченной автором стратегии исследования международных конфессий мормонизма, адвентизма и бахаизма.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, анализируется степень теоретической и научной разработанности, формулируется объект и предмет, цель и задачи исследования, выделяются положения, выносимые на защиту, излагаются методологические основания изучения феномена пророчества и характеристика источников исследования. Представляются результаты научной новизны и степень научной разработанности, обосновывается теоретическая и практическая значимость работы, приводятся сведения об её апробации.

В первой главе «Сущность пророчества: проблема дефиниций и классификаций» концептуализируются предмет и проблема исследования сущности пророчества, анализируется терминологическая база исследования, обосновывается научный подход в философско-религиоведческом дискурсе.

В первом параграфе «Религиозные пророчества как феномен духовной культуры» исследуются вопросы, связанные с рассмотрением границ применения понятия «пророчество» и создания его теоретического концепта. Когнитивный дискурс пророчества как представления о будущем определяет выбор основных методологических параметров исследования в последующих главах диссертации. Для решения этих задач предложена аналитическая схема рассмотрения пророчества, состоящая из следующих предпосылок: 1. Исследование феномена пророчества как представления о будущем осуществляется в философско-когнитивным дискурсе,

с опорой на категориальный инструментарий светского религиоведения. 2. Пророчество рассматривается как религиозный (мистический) опыт пророка, как сложная, социокультурная, синкретическая система, включающая противоречиво функционирующие гетерогенные элементы (сакрального и профанного), требующие аналитической экспликации. 3. В пророчестве как особом «религиозном опыте» пророка содержатся два элемента – когнитивный и аффективный, которые в возникающей религиозной системе становятся «духовной скрепой» того или иного сообщества людей. 4. Пророчество содержит представления о будущем, основанные на вере человека в необходимость улучшения жизни в настоящем.

Инструментарий когнитивного религиоведения выявляет структуру религиозного пророчества и его потенциальные возможности, характеризует специфику религиозного опыта пророка как когнитивную составляющую божественного Откровения, которая определяет мотивацию деятельности пророка.

Сравнительно-исторический подход конкретизирует и актуализирует сущность пророчества и показывает роль, которую оно играло в древних культурах и играет в современном обществе. Деление пророчества на светское и религиозное, принятое в религиоведении, способствует более глубокому переосмыслению его места и роли в обществе, дает возможность осмыслить полученную пророком информацию, в которой принципом бытия становится «все постигающий Дух» (М. Шелер) или «центр мира» – человек (В.С. Соловьев). В этом значении пророчество анализируется в диссертации на базе сакральных текстов Библии, религиозных источников, материале античных, средневековых и современных источников.

В пророчестве как особом «религиозном опыте» человека содержатся два элемента – когнитивный и аффективный. Когнитивный «религиозный опыт» содержит знание о Боге, о судьбах людей и т. п. – это знание, в котором синтезировано переживание сверхъестественного и элементов той культуры, носителем которой выступает пророк. Это образы, метафоры, символы, аллегории и т. п. Пророки, как правило, являются носителями многих интеллектуальных способностей, абсолютных ценностей и смыслов, видят сотериологический вектор развития народа. Это знание идет от Откровения и выражается в виде художественных образов, символов, сравнений, музыки (например, религиозный опыт пророка Елисея – см. 4 Цар. 3:15). Такое знание гарантирует, укрепляет уверенность в наступлении лучшей жизни и т. п. Аффективный элемент «религиозного опыта» – это ансамбль пережитых в нем глубоких эмоций и чувств.

Исследование генезиса пророчества позволяет сделать вывод, что пророчество выступает формой связи пророка с Богом как личностным, истинно сущим бытием. Такая форма связи с трансцендентным Богом характерна для ветхо-

заветных пророков, религиозный опыт которых показывает, что содержание божественного Откровения во всех религиях одинаково вариативно. Из иудаизма оно переходит в христианство и ислам. В христианстве Иисус Христос – Бог, «Сверхсущностное бытие», который трансцендентные ценности высшего мира переводит в имманентный мир¹⁷. Так когнитологическая парадигма феномена пророчества выявляет антропологическое и психологическое выражение сущностных свойств личности пророка.

Во втором параграфе «Методологические принципы анализа религиозных пророчеств» намечаются основные задачи исследования пророчеств, которые эксплицируют понятийные конструкты и характеризуют их сущность. Специфика пророчества как представления о будущем всегда была связана со смыслом его бытия в конкретно-исторических условиях жизни общества.

Исследование религиозных пророчеств как мировоззренческих систем показывает, что онтологические категории трансцендентного и имманентного выступают в них в двух значениях: широком и узком. В широком смысле под пророчеством понимается предвидение будущего в далекой перспективе, которое опирается не на добытые человеком знания, а скорее на веру в неизбежность того, о чем декларируется в таком предвидении. В этом значении пророчество широко используется в различных сферах, в том числе и в светской культуре. В узком смысле пророчество обычно связано с религиозной культурой, где оно имеет мистическую окраску и проявляется как «озарение» пророка. В этом значении пророчество наиболее ярко представлено у библейских пророков.

Религиоведение дает две оценки понимания пророчества как источника трансцендентных переживаний. 1. Философы и психологи оценивают профетический опыт пророка как «просветление», «озарение» (В.С. Соловьев, И.А. Ильин), прорыв в архетипическую область «коллективного бессознательного» (К. Юнг), «вершинные переживания» (А. Маслоу), «космическое сознание» (С. Гроф), «трансперсональные переживания» (Е.А. Торчинов). Иными словами, мистический опыт пророка характеризуется «неизреченностью» – т. е. неспособностью передать свои ощущения другим, поскольку это принципиально иной духовный опыт, который невозможно выразить на посюстороннем языке.

Его можно проанализировать эпистемологически на основе методологии религиоведения, опираясь на диалектический анализ религии как формы общественного сознания, эксплицирующей три составляющие. 1. Принцип «пересотворения» (интерпретации) реальности в когнитивном процессе (пророк получает божественные Откровения и передает их людям). 2. Принцип смыслообразования пророческой «вести» (божественное Откровение преподносится пророком в образно-

¹⁷ См.: Силантьева М.В. Ценностный потенциал христианства перед теоретическими вызовами современности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. – С. 196-206.

символической, метафорической форме). 3. Принцип единства когнитивных подходов. Когнитивный подход к пророчеству использует такие принципы классического религиоведения, как компаративизм, апостериоризм и исторический эволюционизм.

Пророчества в истории никогда не прекращались. Одни пророки, выполнив свою миссию, уходили с авансцены истории и на их место приходили новые. Ветхозаветные пророки прекратили свою деятельность в V веке до н. э., но в I веке н.э. пророческое движение оживилось: Иоанн Креститель, апостолы, апологеты, затем Отцы Церкви, которые проинтерпретировали их пророчества и наполнили новым содержанием, выдвинув такие максимы как: милосердие, сострадание, прощение, любовь к ближнему своему. Пророки внедряли в сознание людей новые эмоциональные переживания, включающие разнообразные, но взаимосвязанные между собой психические комплексы (мотивы, интересы, верования).

Заложенные в первой главе философские принципы раскрывают сущность такого сложного социокультурного «механизма», каким является феномен пророчества, в последующих главах диссертации, и объясняют причину проявления в духовной жизни США и Персии XIX века новых религиозных пророчеств мормонизма, адвентизма и бахаизма. Сущность пророчества выражается в «страстной жажде» человека «заглянуть за горизонт» действительности, ему присущ пафос прогностико-футурологических моделей желаемого или не желаемого будущего, сложнейшие многоуровневые социально-духовные взаимосвязи.

Внимание автора к международным конфессиям мормонизма, адвентизма и бахаизма обусловлено тем, что они воспользовались социокультурным, политическим и экономическим кризисами США и Персии XIX века, чтобы внедрить в сознание своих адептов актуальность решения общественных проблем, посредством новых божественных Откровений.

Во второй главе «Роль религиозных пророчеств в возникновении мормонизма в США начала XIX века» показывается, что XIX век породил в США фантастическое множество новых религиозных учений, предложивших американцам новые идеологии по освобождению от проблем, в плену которых они оказались. Основатели новых религиозных учений, пророки и проповедники утверждали, что знают ответы на сложнейшие вопросы бытия, чем вызвали у американцев большой интерес. Появление новых пророческих религий США XIX века явилось результатом сложных социально-исторических, психологических, нравственно-эстетических коллизий духовной жизни американского общества, среди которых можно выделить следующие: 1. Делегитимизация несправедливого общественного устройства, как пролог к социальным преобразованиям («религиозные ривайвелы»). 2. Господствующие протестантские системы США теряют свою актуальность, не соответствуют социокультурным условиям жизни и вызовам нового исто-

рического периода развития страны. 3. У определенной группы населения США изменяются формы религиозного сознания и развиваются богоискательские настроения и поиски «живой веры»¹⁸.

В первом параграфе «Религиозная вера мормонов в боговдохновенность пророческих Откровений Джозефа Смита и их роль в вероучении Церкви СПД» отмечается, что философско-религиоведческий анализ пророческих Откровений Джозефа Смита ставит перед исследователем ряд задач. Во-первых, прояснение взаимосвязи религиозного знания с религиозным опытом и религиозной верой у последователей этого учения. Во-вторых, как эпистемологически соотносятся между собой религиозный опыт и религиозная вера в мормонизме. Философ Ю.А. Кимелев утверждает, что «изучение религиозного опыта и религиозной веры в их целостности уже интегрировано в эти феномены, а эпистемологические проблемы религии (мормонизма) показывают её оправданность, историческую значимость и особенность социокультурного сознания»¹⁹.

Таким образом, философско-эпистемологическое исследование образует континуум философско-религиоведческого исследования с онтопсихологическим и онтолингвистическим. Ядром исследования становится сущность пророческих откровений Джозефа Смита, а такие понятия как «вера» и «боговдохновенность» требуют междисциплинарного подхода, где информационный пласт философского религиоведения, онтопсихологии и онтолингвистики, поднимается на уровень мета-научного синтеза и получает теоретически-перспективные результаты.

Вероучительный догмат мормонизма о «боговдохновенности» не дает конкретного объяснения действительности, а исповедует её как данность. Мормоны верят, что «боговдохновенность» – это способность человека (пророка) вступать в контакт с трансцендентным Богом и получать от Него специальные Откровения о будущем человека, или общества. Как следствие, формируется знание, основанное не на объяснении, а на некритическом восприятии информации.

Идеология современного мормонизма использует это понятие с тем, чтобы, во-первых, подчеркнуть истинность божественных Откровений пророка Джозефа Смита. Во-вторых, помочь последователю понять, что создание «Книги Мормона», это геройский поступок пророка Мормона, который мог осуществиться только по божественному наитию (см. книга Мормона 5:9; 6:6). В-третьих, благодаря божественному повелению и вдохновению в начале XIX века пророк Джозеф Смит перевел эту Книгу с «исправленного египетского» языка на английский²⁰. Анализ

¹⁸ См. материалы о новых религиозных движениях на карте мира: Stanley D. Brunn. The Changing World Religion Map // Sacred Places, Identities, Practices and Politics /Department of Geography University of Kentucky. Lexington, KY, USA, 2015. – 3913 p.

¹⁹ Кимелев Ю.А. Философия религии: Систематический очерк. – М.: Издательский дом «Nota Bene», 1998. – С. 36.

²⁰ Соренсен Дж.Л. Удивительная Книга Мормона/Лиакхона. Церковь Иисуса Христа Святых последних дней. Февраль, 2016. – С. 18-21.

пророческих откровений Джозефа Смита показывает, что они полностью противоречат традиционному христианству и представляют собой закамуфлированную под христианство вероучительную систему, которая вводит в заблуждение своих адептов.

Во втором параграфе «Особенности религиозных пророчеств Джозефа Смита и их эффективность в генезисе мормонизма: теория и практика» поясняется, что философско-эпистемологическое исследование религиозных пророчеств Джозефа Смита образует континуум философско-религиоведческого анализа с онтолингвистическим и онтосемантическим, связанным с вероучительными текстами мормонизма, в которых они торжественно заявляют: «Мы верим, что Библия – слово Божье, поскольку переведена правильно»; мы также верим, что «Книга Мормона» – слово Божье»²¹. Утверждения мормонов о достоверности Библии привели исследователей к предположению, что они верят ей так же, как и остальные христиане. Однако анализ вероучительных текстов мормонизма выявляет их глубокие отличия от доктрин Библии и вероучения христианских конфессий, носящих профетический характер.

В целом, сущность вероучительных доктрин мормонизма заключается в том, чтобы утвердить веру своих последователей в «сакральность» божественных Откровений пророка Джозефа Смита, ставших их конфессиональным «Credo». Экспликации духовных смыслов в вероучительных текстах «Книги Мормона» показывают отличия вероучительных и нравственно-этических норм мормонизма от вероучительных и нравственных максим других конфессий.

Исследователь религиозных культов Н.В. Порублев, анализируя религиозные пророчества Джозефа Смита и построенные на них вероучительные концепты современного мормонизма, приходит к выводу, что «концепция общего и индивидуального Откровения; секретные ритуалы, совершаемые мормонами в Храмах с посвящёнными; их фантазии о будущей жизни; обожествление человека и крещение умерших родственников, – привели их к оккультизму»²². В мировоззрении мормонов он выделяет ряд других признаков: высокий пророческий статус Джозефа Смита при жизни и беспрекословный авторитет после смерти; авторитет его пророческих книг; политеизм; предсуществование души и учение о спасении делами. Свой авторитет они ставят выше любого другого авторитета, поэтому, несмотря на критические замечания ученых, религиоведов, мормоны твёрдо верят в боговдохновенность пророческих откровений Джозефа Смита.

В третьем параграфе «Религиозные символы в пророчествах Джозефа Смита» рассматриваются факторы, детерминирующие пророческую систему мор-

²¹ Смит Д. Драгоценная Жемчужина; Учение и Заветы 1:8. – Церковь Иисуса Христа Святых последних дней. Солт-Лейк-Сити, Юта, США, 1995. – С. 74.

²² Порублев Н.В. Культы и мировые религии. – М.: Благовестник, 1994. – С. 259.

монизма в целом. Религиозный символ – это отличительный знак, образ, воплощающий какую-либо иррациональную идею. Вероучительные символы мормонизма с учетом некоторых понятий психолингвистики, преследуют важную цель – повысить чувствительность, т. е. эффективность восприятия мормонами их вероучения и соответствующей поведенческой реакции.

Пророк Джозеф Смит специально вводит религиозные символы в структуру своих пророческих высказываний и преподносит их в формах творческого самовыражения. Для реализации этих целей он использует библейский, романтический и метафорический язык, чтобы донести до сознания последователей божественные Откровения. Камуфляж его «пророческой вести», облеченный в символические образы срабатывает и делает доступной для восприятия его адептами. Они задевают за живое, но свои нравственно-эстетические интенции выражают языком религиозных понятий, больше похожих на светские писательские пассажи, нежели богословские высказывания. Синкретизм религии и светского искусства усиливает воздействие религиозных пророчеств Джозефа Смита на сознание человека. «Механизм» такого взаимодействия хорошо изучен на материале музыкального и литературного творчества Р. Вагнера, Р. Штрауса, Г. Уэллса, русской и западной литературы и поэзии XIX века.

В третьей главе *«Динамика пророческих нарративов адвентизма в контексте социокультурной жизни США середины XIX века»* анализируются ожидания американцами лучшего будущего, оказавшие огромное влияние на многообразие реформистских религиозных движений середины XIX века, возникших в результате сложных социально-политических метаморфоз и «религиозных ривайвелов»²³.

Проповедник баптистской церкви Уильям Миллер в 30-е годы XIX века в США заявил, что, изучая Библию, он вычислил дату Второго пришествия Христа – 21 марта 1843 года (затем он эту дату перенес на 22 октября 1844 г.). В своих исследованиях он попытался расшифровать символику эсхатологических пророчеств Даниила и Иоанна Богослова, чтобы за ними увидеть исторические события, которые наступят в ближайшее время²⁴.

Начало его проповеднической деятельности совпало с очередным социально-экономическим и духовным кризисом, охватившим США 1840-х годов и ослабившим оптимизм американцев относительно человеческих усилий в установлении Тысячелетнего царства на земле. Предмилленаристская весть Уильяма Миллера о Втором пришествии Христа перед его Тысячелетним царством была воспринята американцами с небывалым воодушевлением. К концу 1843 – началу 1844 года эс-

²³ См. исследования американских ученых по новым и меняющимся религиям США и мира: Encyclopedia of Global Religion/Mark Juergensmeyer. Wade Lark Roof/University of California, Santa Barbara EDITORS. Т. 1. 2012. – 1032 p.

²⁴ Adventistdv.ru

хатологические ожидания захватили Америку, а «религиозные ривайвелы» достигли своего апогея. Адвентисты-миллериты оставляли сельскохозяйственные работы, продавали имущество и раздавали бедным, собирались в лагеря, одевались в белые одежды и готовились к встрече с Иисусом, а газеты призывали к покаянию.

«Горькое разочарование», наступившее после 22 октября, вызвало попытки реформировать новое религиозное движение последователями Уильяма Миллера, среди которых была пророчица Эллен Уайт и, которая приняла активное участие в организации и формировании вероучительных концептов адвентизма²⁵.

В первом параграфе «Причины «превращения» пророческих откровений Эллен Уайт в вероучительные (провидческие) тексты: теория и практика» философско-религиоведческий анализ пророческих откровений Эллен Уайт ориентирован, прежде всего, на понимание этих пророчеств как феномена духовной культуры.

Философско-религиоведческий анализ вероучительных текстов адвентизма показывает их дихотомичный характер, в котором сопоставляются такие понятия как «сакральное» (библейские тексты адвентизма) и «трансперсональное» (божественные Откровения, полученные пророчицей Эллен Уайт). Отмечается, что пророческие откровения Эллен Уайт превращаются в вероучительные «провидческие» тексты адвентизма, объясняющих его духовные смыслы.

Вероучительные тексты адвентизма, основанные на Библии и религиозных пророчествах Эллен Уайт (видениях-откровениях), очерчивают широкий круг социальных проблем, требующих практического служения людям: одеть раздетого, накормить голодного, посетить больного, заключенного. Они призывают своих адептов заботиться о своем здоровье (санитарная реформа), помогать вдовам, сиротам, нуждающимся людям. Другими словами, любить Бога и ближнего своего, ибо в этом «закон и пророки» (Мф. 22:35-40).

Вероучительная система адвентизма отличается от других христианских конфессий тем, что своеобразно интерпретирует библейскую эсхатологию (Тысячелетнее царство, праведный суд, Небесное святилище и роль Христа в нем как Первосвященника), и что адвентисты празднуют не воскресенье как все христиане, а субботу (хотя есть и адвентисты, отмечающие воскресенье). Адвентизм обосновывает этот догмат, как историческими изысканиями, так и видениями-откровениями пророчицы Эллен Уайт²⁶. Адвентисты считают, что вернулись к истокам учения о Субботе, заложенного в Эдеме и подтвержденного на Синае.

Во втором параграфе «Иллюзорные пророчества Эллен Уайт как механизмы формирования провидческого пути развития адвентизма» философско-когнитивный анализ провидческих (мистических) опытов Эллен Уайт включает два

²⁵ Adventistdv.ru

²⁶ Уайт Э.Г. «Слово к малому стаду», 1847. – С. 22-23.

взаимосвязанных между собой компонента. Во-первых, дает общую описательную характеристику её провидческих опытов. Во-вторых, решает эпистемологическую проблему репрезентации этих опытов как гетерогенных образований, которые можно осмыслить.

«Механизм» получения пророческих Откровений Эллен Уайт описывает так: «Часто меня спрашивают о моем состоянии при получении видений и после того. Я отвечаю так. Когда Господь считает нужным дать мне видение, я переношусь в присутствие Иисуса и ангелов и совершенно отрешаюсь от земной реальности. Я могу видеть не дальше, чем ангел указывает мне. Нередко мое внимание направляется на события, происходящие на земле. Иногда я переношусь далеко в будущее и вижу то, чему надлежит быть вскоре. Затем мне вновь показывают происшедшее в прошлом»²⁷.

По словам очевидцев, во время мистических видений Эллен Уайт часто впадала в обморочное состояние, которое продолжалось от нескольких минут до нескольких часов, и в состоянии экстаза произносила слова нараспев, и по произнесенным предложениям можно было понять природу ее видений, о Небесах они были или о Земле. Когда же видение заканчивалось, она была настолько слаба и обессилена, что её приходилось доводить до стула. Другие очевидцы рассказывали, что во время видений Эллен Уайт ходила по комнате и в одной руке держала тяжелую, в кованом переплете Библию, причем в таком положении, что даже сильный мужчина не удержал бы её более двух-трех минут. Она же без напряжения, не сбивая дыхания, держала часами, громко читала и объясняла библейские места, отыскивая их другой рукой»²⁸.

Философия религии мистический опыт пророка объясняет осознанием присутствия трансцендентного бытия, т. е. Бога, которое включает в себя как онтологические, так и аксиологические компоненты. Мистический опыт, как считает Р. Отто, – это комплекс чувств, устойчивое состояние души, которое приводит к экстазу (как нуминозное)²⁹. То есть, Бога можно постичь, по его словам, посредством того, что выходит за рамки рационального, а именно чувственного «мистического опыта», в котором он выделяет два пути. Первый путь, – путь «внутреннего видения», когда мистик погружается в себя, чтобы перейти к прозрению и найти Бога. Второй путь «единство видения», – это преобразование окружающего мира и слияние с трансцендентным Богом.

У. Стейс, развивая идеи Р. Отто, в типологию мистического опыта вводит две категории: экстравертное и интровертное, получившие признание в философии религии. Экстравертный мистицизм, по его мнению, характеризуется, во-первых,

²⁷ Уайт Э.Г. Избранные вести: Пер. с англ. – Заокский: «Источник жизни», 2003. Т. 1. – С. 36-37.

²⁸ Там же. С. 37-38.

²⁹ Otto R. West-Ostliche Mystic. – Gotha, 1926.

тем, что феноменальные объекты мистик воспринимает как единое бытие. Во-вторых, воспринимаемый мистиком мир предстает как укорененный в его жизнь и сознание. Интровертный мистицизм – это осознание единства не обычного содержания, а единства с трансцендентным Богом³⁰.

Следовательно, во время мистического опыта пророчица Эллен Уайт не погружается в бессознательное, как кажется на первый взгляд, а сохраняет сознание, чтобы воспринять от Бога ту информацию, которую Он желает передать. Её мистический опыт можно объяснить как недифференцированное единство с трансцендентным Богом.

В отличие, например, от инициатора адвентистского движения – Уильяма Миллера, пророчица Эллен Уайт подает вероучительные концепты адвентизма не как результат рассуждений, а в форме видений-откровений. Сами адвентисты объясняют этот процесс наличием двух стадий: первая (*откровение*) – передача божественного откровения от Бога пророку, вторая (*инспирация*), – передача пророком этой вести людям. В этом процессе пророк наделяется способностью донести полученное «свыше» откровение на понятном языке для тех, кому оно предназначено. В. Андрусак пишет: «Концепция инспирации предполагает вдохновение мыслей пророка (в отличие от механической или вербальной инспирации) и означает, что пророк обладает свободой в выборе слов при передаче божественного Откровения»³¹.

В третьем параграфе *«Преломление протестантских мотивов в религиозной культуре адвентизма»* поясняется, что протестантская реформация XVI века носила во многом двойственный характер. Во-первых, реформаторы признавали, что ортодоксальные Церкви подменили веру в личность Христа на веру в учение Церкви, лишили силы изначальное христианское откровение и стали преградой на пути человека к Богу. Во-вторых, только обращение человека к Библии могло привести его в соприкосновение с Иисусом Христом. Протестантизм провозгласил принцип «Solo scriptura» (только Библия в вопросах веры и спасения), т. е. осуществил возврат к библейским истокам христианства и не допустил сомнений в трансцендентности Бога. Истинной свободы человек достигал только повиновением заповедям Бога, но эта способность проистекала от веры. Посредством веры он получал озарение через изучение Священного Писания и постигал достоверную истину. Протестантизм восстановил мировоззрение августовского толка, ограниченного строгими рамками нравственных предписаний, занимающих двойственную позицию в философской онтологии.

³⁰ Stase W.T. *Mysticism and philosophy*. – L., 1926.

³¹ Андрусак В. Пророк – орудие в руках Божьих // Адвентистский вестник. – Заокский: «Источник жизни». № 3 (65), 2010. – С. 28.

То есть, протестантизм взял за основу Библию, оказавшую благотворное влияние на новое мышление и культуру и указал, чтобы получить объективную истину нужно отвергнуть предрассудки, порожденные религиозной традицией. Этим он способствовал развитию научной ментальности. Заложенные в протестантской культуре процессы привели тому, что во второй половине XIX века в США появились новые пророческие движения, в которых христианское учение отождествляется с общечеловеческими идеалами, благородными установлениями и философскими представлениями. Однако чтобы достичь Царства Божия, протестант должен активно участвовать в экономической, политической жизни, трудясь и повинаясь заповеди любить ближнего, следуя примеру Христа.

Так в лоне американского протестантизма Церковь АСД формирует мировоззренческую систему взглядов на современную культуру, не изменяя, а улучшая её и получая от этого моральное удовлетворение. Она требует от своих последователей исполнения библейских заповедей, соблюдения Субботы, активной миссионерской деятельности и стремления к совершенству. Это определенная система духовных ценностей, где наблюдается преломление основных вероучительных мотивов протестантизма в духовной культуре США. Основным мотивом протестантизма, в отличие от католицизма, провозглашается принцип индивидуализма, – надейся на себя.

Однако чтобы проповедовать и доносить людям евангельские идеалы необходимо, прежде всего, учитывать их социокультурные традиции³². Анализируя этот вопрос, американский философ У. М. Раси пишет: «Перед Церковью АСД остро встает вопрос о её отношении к современной культуре. Во-первых, это связано, по его словам, с устойчивым ростом численности адвентистов в мире. Во-вторых, Церковь АСД активно работает в таких сферах как образование и здравоохранение, социально-экономическое развитие и научные исследования, государственное управление и политика, СМИ и гуманитарные науки»³³. Адвентистский (протестантский) взгляд на культуру, по его словам, базируется на библейской летописи и христианской истории, разработанной американскими философами и богословами Райнхольдом и Ричардом Нибурами, предложившими три базовых подхода к пониманию специфики христианской культуры³⁴.

Первый подход, по их мнению, характеризуется противостоянием христианства и культуры, согласно которому первые христиане отвергали достижения гре-

³² См.: Carson D. A., Woodbridge J. D. *God and Culture: Essays in Honor of Carl F. H. Henry*. Grand Rapids, MI: William B. Eerdmans Publishing Company, 1993.

³³ Раси У. М. Адвентисты перед лицом культуры: любить ли нам этот мир? // Пастырь добрый: журнал для священнослужителей. Совмест. из-во Заокской Духовной акад. и Адвентист. богосл. об-ва (ATS-США). – Заокский: «Источник жизни». 2001. – С. 45.

³⁴ Раси У. М. Адвентисты перед лицом культуры: любить ли нам этот мир? // Пастырь добрый: журнал для священнослужителей. Совмест. из-во Заокской Духовной акад. и Адвентист. богосл. об-ва (ATS-США). – Заокский: «Источник жизни». 2001. – С. 46.

ко-римской культуры, опираясь на труды раннехристианского апологета Тертуллиана (160–222) утверждавшего, что Христос пришел устроить «новое социальное общество», противоположное языческому разложению и материализму окружающей культуры. Христиане не должны участвовать в политике, торговле, служить в армии и что в греческой философии нет ничего заслуживающего внимания, а театр и музыка, – «приспешники» греха³⁵.

Второй подход характеризуется тем, что христианство вступает в конфликтные отношения с современной культурой, в которой отражается благодать божьего творения и греховность человеческой природы, неизменно приводящей к конфликту между принципами «Царства Христа» и «царства Сатаны». На этом основании У. М. Раси делает вывод: «Изначально в культуре заложено добро, но она несовершенна и её необходимо поднять на более высокий духовный уровень. Такой точки зрения на заре христианства придерживался ученый и богослов Церкви Климент Александрийский (150–215), полагая возможным участие христиан в законной деятельности, где нужно руководствоваться более высокими духовными критериями, берущими свое начало в Евангелии и Божественной любви.

Третий подход определяется Нибурами как синкретический, в котором и христианская, и светская культура содержат доброе, полезное начало. Только таким путем, по их мнению, можно достичь взаимосвязи христианства и культуры, в недрах которой она возникает. Примером этому служит «Западная культура», «Восточная культура», «средневековый католицизм», «православная культура», «протестантская культура» и т. д. К такому синтезу религии и культуры, по их мнению, стремился «на заре» христианства апостол Павел, связывая идеи христианства с иудейской, ближневосточной, греко-римской философией и культурой, не видя в этом опасности для молодой христианской Церкви. С другой стороны, христиане-гностики пытались примирить евангельскую весть с греческой философией, чтобы христианское учение стало привлекательным для образованных людей.

Эти же идеи просматриваются и в протестантской культуре адвентизма, которая делает акценты на понятиях «разума», «благоразумия», «совершенствования», а Христос отождествляется с эстетическими идеалами, благоразумными устремлениями, философскими представлениями. Протестантские догматы адвентизма, основанные на религиозных пророчествах Эллен Уайт, обязывают последователя участвовать в экономической, политической жизни, следуя примеру Христа. А такие понятия как «семья», «личная независимость», «достоинство», «честь», «частная собственность», – это моральные и культурные блага. Благодаря этому Иисус Христос становится «великим культурным героем» человеческой истории, санкционирует

³⁵ Раси У. М. Адвентисты перед лицом культуры: любить ли нам этот мир? // Пастырь добрый: журнал для священнослужителей. Совмест. из-во Заокской Духовной акад. и Адвентист. богосл. об-ва (ATS-США). – Заокский: «Источник жизни». 2001. – С. 47.

все лучшее в прошлом и указывает путь общественного прогресса. Иисус Христос и культура, таким образом, становятся центральными понятиями протестантизма, согласно которым Он находится и в культуре, и над ней.

Философско-религиоведческий анализ Третьей главы показал, что религиозная культура адвентизма носит протестантский характер, глубоко проникает в социальную жизнь США и мира, является важным компонентом социальных, нравственных, эстетических, повседневных событий для общества, неотделима от языка и воспитания, филантропической деятельности и политической активности.

В четвертой главе «Социально-политические предпосылки бахаизма в духовной жизни Персии середины XIX века: генезис и эволюция» анализируются атрибутивные свойства религиозных пророчеств Баба и Баха-Уллы, заложенных в вероучительных текстах бахаи. Восток – это родина мировых религий с её многовековым опытом, в недрах которой в середине XIX века в Персии³⁶ возникает бабизм, а затем бахаизм, обладающих архетипическими признаками, характерными для религий Откровения. Это – «предтеча» Баб, проложивший путь для новой религии и предсказавший появление – «Пророка-Явителя» Веры бахаи – Баха-Уллы. В её вероучительных текстах просматривается связь с исламским миллениаризмом и суфийской мистикой, но Вера бахаи порывает связь с исламом и претендует на всемирное признание и космополитизм, поскольку пророк Баха-Улла сконцентрировал духовный опыт предшествующих мировых религий и их пророков.

Таким образом, Вера бахаи как первоначально религиозное течение на Среднем Востоке рассматривается на фоне тенденций рафинирования традиционных форм и структур религиозного сознания. Она отвечает влиятельным доминантам XIX века, когда онаучивание и рационализация морали становится общим местом. Выделение в качестве предмета специального рассмотрения религиозных пророчеств Баха-Уллы позволяет развернуто использовать межпредметную методологию философско-религиоведческого анализа в последующих параграфах четвертой главы.

В первом параграфе «Субстанциональный инвариант пророческих Откровений Баха-Уллы, заложенных в вероучительных текстах Книги «Китаб-и-Агдас» анализируется вероучительная идея бахаи о том, что все пророки получают свет божественной истины из одного источника. Божественное Откровение, по мнению пророка Баха-Улла, – это прогрессивный, циклически повторяющийся процесс, устремленный в будущее. Центральная тема пророческих откровений Ба-

³⁶ Во время правления династии Пехлеви (1925-1979) название «Персия» было заменено древним названием «Иран». Поэтому мы употребляем слово «Персия» при описании событий, имевших место в середине XIX начала XX вв. и слово «Иран», когда речь идет о более позднем периоде времени.

ха-Уллы, – «Единство», которое осуществляется на трех уровнях: единство Бога, единство религий, единство общества.

Любовь к человечеству – центральная ценность в иерархии духовных ценностей Веры бахаи, как и в христианстве. Другая черта её вероучения, – доктрина о божественном Откровении в истории. Её особенность выражается в том, что всем народам с незапамятных времен Бог посылал пророков (посланников), которые соединяли земной мир с Небесным Царством. Эти величественные фигуры, известные из религиозной истории, пророк Баха-Улла называет не пророками, как другие религии, а «Явителями Бога» и показывает, что между ними нет различия, и что вера в них необходима для спасения человека.

Пророк Баха-Улла объявляет несостоятельными притязания какой-либо религии на свою исключительность. История спасения, по его мнению, это эволюционный процесс, приводящий к финальному акту искупления, когда появляется личность как Иисус Христос и совершает искупление человечества раз и навсегда. Однако в вероучительной парадигме бахаи, в отличие от христианства, божественный «план спасения», «духовного воспитания человеческой расы», осуществляется через последовательно даруемые народам божественные Откровения. То есть, феноменологически концепция «Единства» пророка бахаи Баха-Уллы, отражает абстрактное, трансцендентное единство религий, заложенное в божественном плане спасения.

Таким образом, Вера бахаи является синкретической религией, нацеленной на объединение всех вероисповеданий во всемирное братство. Она дает право своим последователям придерживаться основных великих истин мировых религий (что в её учении считается второстепенным), почитая пророка Баха-Уллу как Мессию нашего времени. Последователь бахаи обнаруживает в религиозных пророчествах Баха-Уллы «новый Закон» Бога и неизмеримое богатство этических заповедей, а в религиозной этике – божественный свет, просвещающий всех людей.

Во втором параграфе «Вероучительный потенциал бахаи: типология «Пророков-Явителей» в истории» анализируются вероучительные тексты бахаи, в которых осуществляется дифференциальный подход к социокультурным явлениям. В книге «Китаб-и-Агдас» пророк Баха-Улла Веру бахаи представляет как «сверхрелигию», которая прекратит конфликты и конфессиональную рознь и объединит представителей всех вероисповеданий под эгидой бахаи. И чтобы привлечь адептов из других религий, он представляется им обещанным Мессией, приход которого ожидают последователи религий Откровения. Иудеям объявляет себя «новым Моисеем», в послании к христианскому миру заявляет, что он Христос, буддистам говорит, – что он Будда-Майтрейя. Зороастрийцам пишет, что он – Бог, возвещающий «величайший Рай». Для мусульман он – Махди, в среде су-

фиев – «великий пир», для бабидов – «Тот, кого проявит Бог». Так Баха-Улла в понятиях разных религий приписывает себе образ воплощенного божества.

Оперируя «божественной лексикой», Баха-Улла создает мистическую систему мировоззрения, в которой есть место и вере в Бога, и экономическим интересам элит Ирана. В вероучительных текстах бахаи он заложил универсальную светскую схему вхождения в социально-политическую, экономическую и духовную сферы общества. Он проповедует и внедряет в сознание своих последователей идеи денационализации и космополитизма, отвечающие на тот момент, как запросам компрадорской знати Персии, так и колониальным потребностям Запада. Конфессиональная живучесть восточной традиции и исторической памяти показывает прикладной характер «космополитизма» бахаи, который нивелирует предрассудки иранцев относительно опасностей духовных ценностей Запада. В устремлениях Веры бахаи к универсальности своего вероучения проступают элементы экспансионизма в завуалированной форме.

В третьем параграфе «Основные принципы духовной культуры Персии, заложенные в вероучительных текстах бахаи» анализируются пророческие Откровения Баха-Уллы, как образцы персидской художественной прозы, созвучные западной и русской символической литературе, и поэзии «Серебряного века». Они основаны на текстологических построениях символических форм, предвосхищающих литературные подходы структурализма XX века³⁷.

Чуткая к «слову» интеллектуальная мусульманская среда, не была восприимчива ни к какой проповеди, если там не выдержаны соответствующие законы художественного выражения. Поэтому религиозные пророчества Баба и Баха-Уллы можно отнести к формам богословской литературы. Такой подход обусловлен тем, что в условиях мусульманской традиции любые литературные произведения отрабатываются с позиции художественной выразительности, образности, поэтичности и рассматриваются в контексте художественного творчества. Некоторые из его духовных произведений, как например, «Семь долин» читаются как художественные тексты.

Вероучительные тексты Веры бахаи содержат, на первый взгляд, новые установки. Однако при ближайшем рассмотрении, очевидно, что все смысловые установки этого учения на вероисповедальном уровне повторяют классические исламские подходы, отличаясь от них тем, что в ряд пророков Баха-Улла включил Кришну, Зороастра, Будду, что свидетельствует о синкретичности этого вероучения. Монотеизм бахаи в онтологическом плане сближается с политеистическими воззрениями.

³⁷ См.: материал по религиозным и культурным традициям США: Religion and American cultures // Protestantism in America. An Encyclopedia of Traditions, Diversity, and Popular Expressions. Т. 1. ABCOCLIO, Santa Barbara, California, Oxford, England. 2003. – 969 p.

Несмотря на идеологические и вероучительные различия, место пророка Баха-Уллы сопоставимо с местом пророков Джозефа Смита, Эллен Уайт в соответствующих деноминациях, т. е. признание представленных ими пророческих текстов, является условием формирования общины и очерчивания поля их влияния во всех случаях. Все три учения декларируют себя как «последнее Откровение», хотя цели и задачи ставят разные. Мормоны говорят о восстановлении истинного христианства, потерянного в послеапостольские времена; адвентисты настаивают на исправлении нарушений, внесенных в христианство по наущению Сатаны. Бахаи акцентируют внимание на изменении реалий жизни человечества ко времени прихода пророка Баха-Уллы и необходимости появления нового божественного Откровения. При этом все они подчеркивают авторитет Библии³⁸. Адвентисты – как основное Божественное Слово, мормоны – как Слово, которое можно понять через трактовку пророка Джозефа Смита и других мормонских пророков. Бахаи, – как одно из божественных Откровений предшествующих времен, наряду с писаниями мусульман, буддистов, индуистов и др.

Если в религиях, возникших на христианской основе, не подвергаются сомнению основные положения Библии, которая считается главной Священной Книгой (а работы основателей этих учений, рассматриваются как средство раскрытия христианства). Вера же бахаи, признавая авторитет всех Священных Писаний, лишь пророческие тексты пророков Баба и Баха-Уллы считает системообразующими. Отношение к ним, на первый взгляд, аналогично отношению правоверных к Корану в исламе. Однако есть и разница. В общем массиве весь огромный корпус вероучительных текстов бахаи рассматривается как священный. Поэтому последователи бахаи в своей вероисповедальной практике пользуются компилятивными сборниками, обращение к которым, в сущности, не считается обязательным условием их веры.

В *Заключении* сформулированы итоги исследования и сделаны основные выводы.

1. Религиозные пророчества мормонизма, адвентизма и бахаизма – это целостная, социально-историческая, социально-психологическая, нравственно-этическая гетерогенная система, имеющая синкретический характер.

2. В каждую социально-историческую эпоху, религиозные пророчества наполняются и обогащаются новыми элементами, новым контентом, позволяющими религиозному пророчеству эффективно воздействовать на людей, возбуждать массы на поиски нового пути социальной справедливости, надежды на лучшую жизнь.

³⁸Силантьева М.В. Ценностный потенциал христианства перед теоретическими вызовами современности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. – С. 196-206.

Главным результатом исследования стал вывод о том, что религиозные пророчества мормонизма, адвентизма и бахаизма обладают такими особенностями, которые повышают эффективность воздействия религиозной веры на сознание последователей и её живучесть. Диалог культур и конфессий, учет соотношений «сакрального» и «профанного» начал, создают во взаимодействии противоречиво функционирующую гетерогенную систему мировоззрения у последователей этих религий.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Монографии

1. Лалуев В.Я. Трансцендентное и имманентное в пророчестве: монография. Омск: изд. Наука, ОГТУ, 2004. (11, 5 п. л.)
2. Лалуев В.Я. Особенности пророческих движений XIX века: монография – Новосибирск: изд. Наука, 2008. (18 п. л.)
3. Лалуев В.Я., Лесовиченко А.М. Художественные основы духовной жизни пророческих сект XIX века: монография – Саарбрюккен (Германия): Lap, 2013. (8 п. л.)

Статьи в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных результатов диссертационных исследований

1. Лалуев В.Я., Дмитриева Л.М. Пророчество и пророки в духовной культуре общества // Научный вестник № 8 (44), Омск, 2006. – 34–39 с.
2. Лалуев В.Я., Дмитриева Л.М. Будущее в утопических пророчествах // Научный вестник № 9 (47), Омск, 2006. – 76–82 с.
3. Лалуев В.Я. Будущее как трансцендентная реальность в эклектических пророчествах // Научный вестник № 3 (55), Омск, 2007. – 82–84 с.
4. Лалуев В.Я., Лесовиченко А.М. О соотношении религиозных и художественных миропредставлений рубежа XVIII–XIX веков // Научный Вестник МГУКИ № 1, Москва, 2008. – 53–59 с.
5. Лалуев В.Я. Философские представления о формах связи трансцендентного и имманентного в пророчествах // Вестник ТГУ, № 316, 2008. – 64–67 с.
6. Лалуев В.Я. Вероучительные тексты «Веры бахаи» как художественный феномен // Вестник ТГУ, № 317, 2008. – 72–77 с.
7. Лалуев В.Я. Миф свободы в образовании личности человека // Философия образования, № 3 (23), Новосибирск, 2008. – 179–182.
8. Лалуев В.Я. О проблемах формирования творческой личности // Философия образования, № 4 (25), Новосибирск, 2008. – 224–227 с.

9. Лалуев В.Я., Лесовиченко А.М. Духовно-нравственный потенциал гуманитарных дисциплин в современном вузе // <http://www.analiculturolog.ru> // Аналитика культурологии, № 1 (13), 2009.

10. Лалуев В.Я. Взаимодействие религиозных и художественных сегментов в пророческих текстах: Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, № 2(8), Тамбов, 2011. – 110–113 с.

11. Лалуев В.Я., Лесовиченко А.М. О понятии «пророчество» // Мир науки, культуры, образования, № 5 (36), Горно-Алтайск: ред. МНКО, 2012. –3–5 с.

12. Лалуев В.Я. Специфика древнеиудейских пророчеств о будущем: философско-религиоведческий анализ // Мир науки, культуры, образования, № 3 (46), Горно-Алтайск: ред. МНКО, 2014. – 351–353 с.

13. Лалуев В.Я. Пророчество как феномен духовной культуры и религиозный опыт пророка // В мире научных открытий / Социально-гуманитарные науки, № 1 (61), Красноярск, 2015. – 229–240 с.

14. Лалуев В.Я. Методологические принципы анализа религиозных пророчеств // Вестник КемГУ, № 2 (62). Т. 4. Кемерово, 2015. – С. 214–219.

15. Лалуев В.Я. Вера мормонов в боговдохновенность пророческих откровений Джозефа Смита//В мире научных открытий / Социально-гуманитарные науки, № 5 (65), Красноярск, 2015. – С. 2959–2981.

16. Лалуев В.Я. Проблема представления будущего в эсхатологических пророчествах Библии//В мире научных открытий / Социально-гуманитарные науки, № 7, 6. Красноярск, 2015. – С. 2271–2284.

17. Лалуев В.Я. Пророчество Ф. Ницше о «Сверхчеловеке»: мировоззренческий анализ//В мире научных открытий / Социально-гуманитарные науки, № 7, 6. Красноярск, 2015. – С. 2262–2270.

18. Лалуев В.Я., Лесовиченко А.М. О «пророчествах» Эллен Уайт – как образцах «литературных видений» // В мире научных открытий / Социально-гуманитарные науки, № 11 (55), Красноярск, 2015. – С. 193–200.

Учебно-методические пособия:

1. Лалуев В.Я. Специфика трансцендентного и имманентного в культуре и религии древних египтян, народов Месопотамии, древних евреев и греков: (Опыт философского анализа). – Омск: изд. ОГТУ, 2004. (2,3 п. л.)

2. Лалуев В.Я. «Библейская история Ветхого и Нового Заветов»: учебное пособие / РНУ. Новосибирск, 2005. (2,4 п. л.)

3. Лалуев В.Я. «Философско-теологический словарь». Основные термины и понятия: учебное пособие / Иркутск, ИГТУ, 2008. (13 п. л.)

4. Лалуев В.Я. «Введение в богословие»: учебно-методическое пособие / РНУ. Новосибирск, 2003 (1,2 п. л.).

5. Лалуев В.Я. «История архаичных и нехристианских религий»: учебно-методическое пособие / РНУ. Новосибирск, 2004. (1,7 п. л.)

6. Лалуев В.Я. «Краткая Библейская история»: учебно-методическое пособие / РНУ. Новосибирск, 2006. (1,4 п. л.)

Прочие публикации:

1. Лалуев В.Я. Современные религии и межнациональное взаимодействие // Материалы международной научной конференции // Русское православие: IV века в Сибири: Сб. науч. тр. – Омск, 1995. – 102–105 с.

2. Лалуев В.Я. Межконфессиональный диалог – важный фактор общественно-политической стабильности // Материалы Омского межрегионального семинара: «Общество. Закон. Религия» – Омск, 1997. – 51–55 с.

3. Лалуев В.Я. Роль метафоры в ницшеанском пророчестве // Научный Вестник. Омского отделения АГН – Омск, 1999. – № 4. – 174–177 с.

4. Лалуев В.Я. Христианство и культура: К 2000 – летию христианства: Материалы международной конференции – Астрахань, 2000. – Часть 2. – 57–60 с.

5. Лалуев В.Я. Религия и культура // Лютеране в Сибири. – Омск-Эрланген: Из-во ОмГТУ, 2000. – 198–202 с.

6. Лалуев В.Я. Формирование лингвистической готовности студентов теологов РНУ к восприятию религиозной терминологии // Материалы научно-практической конференции / РНУ. Часть 7. Новосибирск, 2003. – 27–29 с.

7. Лалуев В.Я. Просветительско-образовательная деятельность лютеран Западной Сибири // Качество образования: технологии, экономика, законодательство // Материалы VII Научно-практической конференции (17–18 ноября 2004 года) – Томск, 2005. – 213–216 с.

8. Лалуев В.Я. Духовные доминанты протестантизма в воспитании личности человека // Качество образования: технологии, экономика, законодательство // Материалы VIII Научно-практической конференции (17–18 ноября 2005 года) – Томск, 2006. – 132–138 с.

9. Лалуев В.Я. Роль духовной культуры и образовательных концепций в период становления русской государственности // Высшая школа как социальный институт: история и современность // Материалы региональной научно-методической конференции. СГУПС, Новосибирск, 2006. – 63–66 с.

10. Лалуев В.Я. Роль культуры и образования в развитии личности человека // Качество образования: технологии, экономика, законодательство // Материалы IX межрегиональной научно-практической конференции (17–18 ноября 2006 года) – Томск, 2007. – 212–214 с.

11. Лалуев В.Я., Лесовиченко А.М. Религиозные пророчества XIX века в контексте художественных миропредставлений // Музыкальная культура и искусство: наблюдения, анализ, рекомендации. – Новосибирск, НГПУ, 2007. – Вып. № 6. – 52–62 с.
12. Лалуев В.Я. Философия образования личности человека//Качество образования: технологии, экономика, законодательство//Материалы X – Юбилейной международной научно-практической конференции (17–18 ноября 2007 года) – Томск, 2008. – 4–7 с.
13. Лалуев В.Я. Особенности религиозной жизни немцев Западной Сибири: Культурфилософский анализ // Российские немцы: Материалы научно-практической конференции (31 мая 2007 г.) /РНУ. – Новосибирск, 2008. – 23–29 с.
14. Лалуев В.Я. Роль информации в современной культуре и образовании // Роль преподавателя вуза в формировании личности специалиста-гуманитария // Материалы региональной межвузовской научно-теоретической конференции (11 декабря 2008 года), Новосибирск, 2008. – 245–247 с.
15. Лалуев В.Я. Специфика представления о будущем в буддизме // Бытие культуры и истории: Сб. науч. тр. – Новосибирск: СГУПС, 2009. – 95–103 с.
16. Лалуев В.Я. Протестантизм в лице великих представителей немецкой классической философии: компаративистский анализ // Российские немцы: Материалы научно-практической конференции / РНУ. – Новосибирск, 2009. – 105–111 с.
17. Лалуев В.Я., Лесовиченко А.М. Духовно-нравственный потенциал курса философии//Формирование инновационного мышления и профессиональной ответственности в вузе: Материалы Всероссийской конференции / СГУПС. – Новосибирск: изд СГУПС, 2009. – 184–187 с.
18. Лалуев В.Я., Лесовиченко А.М. Религиозно-художественные особенности сектантских «пророчеств» XIX века (концепции мормонизма, адвентизма, бахаизма) // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. – Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2010. – Вып. 24. – 88–97 с.
19. Лалуев В.Я., Лалуева Л.С. Идея «Сверхчеловека» в философии Ф. Ницше: философско-методологический анализ. Актуальные проблемы модернизации высшей школы // Материалы Международной научно-методологической конференции (Новосибирск, 5–6 февраля 2014 года). – Изд-во Сибирского государственного университета путей сообщения (СГУПС). – 387–388 с.